

МИГРАЦИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ MIGRATION: GLOBAL CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Научная статья / Research article

Миграция как реальность и как элемент политической мифологии

В.С. Малахов, А.С. Мотин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119571, Москва, Проспект Вернадского, 84
malakhov-vs@ranepa.ru; motin-as@ranepa.ru

Аннотация. Предмет статьи – мифологизированные представления о феномене глобальных миграций, циркулирующие в обыденном сознании и в медиа. Критический разбор этой мифологии авторы считают важным по двум причинам. Во-первых, воспроизводство негативных стереотипов по поводу миграций позволяет правопопулистским партиям и движениям аккумулировать политический капитал, провоцируя новые волны антимиграционных настроений. Во-вторых, эти настроения прямо или косвенно оказывают влияние на лиц, принимающих решения. В итоге процесс принятия решений в сфере миграционного регулирования попадает под давление факторов, лежащих за пределами рациональной калькуляции. Обращаясь к распространенным заблуждениям по поводу международных миграций, авторы, в частности, показывают, что: а) механическая экстраполяция современной демографической динамики на долгосрочную перспективу и вера в каузальную зависимость между демографическими показателями и миграционными процессами научно не обоснована; б) между объемами населения в регионах с низким уровнем жизни и интенсивностью миграционного оттока из этих регионов в индустриально развитые страны нет прямой связи; в) международная миграция не является односторонним процессом («Юг» – «Север»); г) представление о миграционной политике стран условного Севера как о благотворительности принципиально неверно, поскольку основано на игнорировании такой характеристики современного мира, как комплексная взаимозависимость.

Кроме того, авторы демонстрируют несостоятельность образа «миграционного цунами», грозящего затопить Европу.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная статистика, антимиграционные настроения, миграционная политика, правопопулистские партии, политические мифы

История статьи: Поступила в редакцию 30.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

© Малахов В.С., Мотин А.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Малахов В.С., Мотин А.С. Миграция как реальность и как элемент политической мифологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 3. С. 327–338. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Migration as a Reality and a Part of Political Mythology

Vladimir S. Malakhov, Alexander S. Motin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
malakhov-vs@ranepa.ru; motin-as@ranepa.ru

Abstract. The article is focused on the mythologized photos of the global migration phenomena circulating in the ordinary consciousness and in the media. Authors consider deconstruction of this mythology important for two reasons. Firstly, the reproduction of negative stereotypes about migration allows the right-wing populist parties and movements to accumulate political capital, provoking new waves of anti-migration sentiments and creating a vicious circle. Secondly, these sentiments directly or indirectly influence the decision-makers. As a result, decision-making process in the field of migration regulation become influenced by irrational factors. Turning to common misconceptions about international migration, authors show that: a) the mechanical extrapolation of modern demographic trends into the distant future and causal relationship between demographic indicators and migration processes are not scientifically justified; b) there is no direct correlation between the size of the population in less developed regions and the intensity of migration flows from these regions to industrialized countries; c) international migration is by no means a one-way “South – North” process; d) perception of “North” countries’ migration policies, as charity, is fundamentally wrong because it doesn’t take into account the complex interdependence of modern world. In addition, authors demonstrate inadequacy of the image of a “migratory tsunami” threatening to flood Europe.

Keywords: international migration, migration statistics, antimigration sentiments, migration policy, rightwing parties, political myths

Article history: Submitted on 30.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Vladimir S. Malakhov, Alexander S. Motin. Migration as a Reality and a Part of Political Mythology. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 327–338. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-327-338

Acknowledgements: The research was supported by the state assignment of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Введение

Рациональные решения в сфере миграционного регулирования принимаются лишь в тиши кабинетов [1; 2]. Как только тема миграции политизируется, такие решения крайне затрудняются, поскольку правящие элиты вынуждены не только считаться с взбудораженным общественным мнением, но и активностью правопопулистских сил. Соответствующие движения и партии,

капитализируя антимиграционные настроения, расширяют площадку для продвижения своей повестки в парламенте и центральных СМИ. Чем больше кресел в органах законодательной власти они получают, тем больше у них возможностей для навязывания стране антилиберального курса в иммиграционной политике – как прямых (через лоббирование антимиграционных законопроектов), так и косвенных – через мобилизацию общественного мнения [3; 4].

Антимиграционные партии, однако, не смогли бы успешно продвигать свою повестку, если бы не опирались на определенный набор стереотипов по поводу феномена миграции, циркулирующих в обыденном сознании. Более того, эти стереотипы подчас легитимируются членами академического сообщества, имеющими доступ к СМИ. В результате формируется своего рода политическая мифология¹, в воспроизводстве которой участвуют самые разные акторы – от активистов ультранационалистических организаций до журналистов и экспертов [7–9].

Базовые конструкторы этой мифологии и выступают предметом настоящей статьи.

Четыре заблуждения относительно феномена международных миграций

Заблуждение первое: экстраполяция современной демографической динамики на десятилетия вперед и вера в каузальную зависимость между демографическими показателями и миграционными процессами.

Авторы, которые механически переносят сегодняшние темпы прироста населения на отдаленное будущее, игнорируют тот факт, что репродуктивному поведению людей свойственно меняться. Там, где сегодня нормой является 5–7 детей в семье, завтра может утвердиться другая норма². Явление, которое ученые именуют «демографическим переходом»³, носит объективный характер. Высокая рождаемость, характеризующая бедные общества с высокой детской смертностью и низкой продолжительностью жизни, сменяется низкой рождаемостью по мере того, как общество достигает определенного уровня социально-экономического развития (и, в частности, когда доля горожан начинает превышать долю сельских жителей) [10–11].

Заблуждение второе: вера в причинно-следственную связь между объемами населения в регионах с низким уровнем жизни и интенсивностью миграционного оттока из этих регионов. Иными словами, это вера в то, что десятки и даже сотни миллионов людей, страдающих от нищеты и

¹ Концепт «политическая мифология» далее будет употребляться в значении коллективного производства представлений, основанных на ненаучной картине мира. См.: [5; 6].

² Такая норма, кстати, была характерна для России (в деревне и малых городах) еще в 1920–1930-е.

³ В новейшей истории их было уже два [10].

политических турбулентностей в своих странах, в будущем непременно переселятся в более благополучные страны⁴.

Такой взгляд неверен в силу следующих обстоятельств. Это (а) бедность, (б) отсутствие необходимых сетей взаимопомощи и (в) ограничительная иммиграционная политика стран «золотого миллиарда». Остановимся на каждом из этих обстоятельств подробнее.

(а) Для того чтобы индивид мог решиться на переезд в регион, отделенный от места его проживания тысячами километров, необходимы немалые ресурсы: деньги на дорогу, оплата услуг перевозчиков (или контрабандистов, если речь идет о нелегальной миграции), деньги на первое время в стране назначения, пока не найдется работа и т.д. У подавляющего большинства жителей бедных стран таких средств попросту нет.

(б) Как показывают многочисленные исследования, необходимым условием решения человека мигрировать является наличие сети взаимопомощи – круга родственников или знакомых, уже находящихся в стране назначения. Относительно невысокое количество мигрантов с глобального Юга на глобальном Севере объясняется как раз тем, что число пионеров (или, если угодно, квартирьеров) из того или иного района той или иной бедной страны весьма невелико⁵. А без тех, на кого можно опереться и кому можно доверять в чужой стране, миграция невозможна.

Кстати, в методологическом плане оба вышеописанных взгляда представляют собой проявление мальтузианских – или, если угодно, неомальтузианских – взглядов на демографию и экономику⁶.

(в) Не следует преуменьшать результативность усилий стран назначения по сокращению числа нежелательных мигрантов. В распоряжении правительств государств условного Севера немало инструментов по сдерживанию иммиграции. Это и жесткие требования для въездных виз (открываемых в основном для тех, кого считают носителями необходимого «человеческого капитала»), и введение «балльных систем» в оценке претендентов на въезд, опять-таки нацеленных на строгую селекцию потенциальных переселенцев, и двусторонние договоры с правительствами отдающих государств о реадмиссии – приеме обратно их граждан, попытавшихся перебраться в более благополучную страну в обход действующего закона [15–17]. Наконец, в последние годы получили широкое распространение двусторонние и

⁴ К числу таких предсказателей принадлежит, в частности, Гуннар Хайнзон – автор, который снискал немалую популярность в России, но академические кредиты которого в международном научном сообществе близки к нулю. См.: [12].

⁵ То, что внешнему взгляду представляется манифестацией «африканской» миграции, на деле может оказаться миграцией вполне определенного этнического сообщества. Так, значительная часть африканских торговцев в Европе являются мюридами – представителями религиозного меньшинства из Сенегала, которому благодаря целой цепочке культурно-исторических обстоятельств удалось наладить прочную сеть финансовой взаимопомощи. Начало складывания этой сети восходит к 1880-м годам. См.: [13: 303–305].

⁶ Критику неомальтузианства см.: [14].

многосторонние соглашения по миграционным вопросам, заключаемые между странами Севера и странами Юга [18–21]. После кризиса беженцев 2015–2016 годов Париж, Берлин и Брюссель заключили целый ряд договоров со странами Африки, суть которых сводится к тому, что правительства последних берут на себя обязательства по сдерживанию эмиграции в обмен на финансовую помощь⁷. В качестве примеров можно привести французско-африканские пакты по миграции [22], а также ряд договоров между ЕС и государствами региона Сахель – так называемые *Spanish agreements on cooperation in migration* [23].

Заблуждение третье: представление о международной миграции как одностороннем процессе («Юг» – «Север»).

Примерно 40 % мировых миграционных потоков приходятся на потоки в пределах условного Юга. Из 272 млн мигрантов, насчитывавшихся в мире в 2019 г., около 152 млн приходилось на развитые регионы и 120 млн – на «развивающиеся страны». При этом начиная с 2005 года «развивающиеся» страны неизменно опережают «развитые» по приросту мигрантов в относительных величинах (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Международные мигранты в развитых и развивающихся странах в 2000–2019 гг., млн чел. / International migrant stock in developed and developing countries, 2000–2019, millions

Мигранты / International migrant stock	2000	2005	2010	2015	2019
В развитых странах / In developed countries	104	116,7 (+12,2)	130,6 (+12)	140,6 (+7,6)	152 (+8,1)
В развивающихся странах / In developing countries	69,6	74,9 (+7,6)	90,2 (+20,4)	108,2 (19,9)	119,6 (+10,5)

Источник: составлено авторами на основе данных ООН / *Source:* Made by the authors on basis of UN data URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockTotal_2019.xlsx (дата обращения: 13.04.2020)

Речь при этом идет, прежде всего, о трудовой миграции. Люди мигрируют в центры роста, географически находящиеся в относительной близости от места их рождения. Например, из Мьянмы и Лаоса в Таиланд, из Ботсваны и Зимбабве в ЮАР, из Нигера и Чада в Нигерию, из Афганистана и Непала – в Саудовскую Аравию и т.д.

⁷ Эксперты и гражданские активисты не раз указывали на то, что денежные трансферты из Брюсселя и Берлина правящим группам африканских стран вовсе не служат развитию их социально-экономической инфраструктуры и созданию рабочих мест, а представляют собой, по сути, взятку. Большая часть этих денег оседает в карманах местных правителей, а другая часть идет на строительство «центров содержания» (по сути, тюрем) для задержанных мигрантов.

Что касается вынужденной миграции, здесь основное направление потоков вообще не указывает с Юга на Север. Лишь одна шестая часть (~17%) мировых потоков беженцев приходится на индустриально развитые страны условного Севера. Все остальные размещены в странах, соседствующих с точками кризиса (или внутри своих стран в качестве «внутренне перемещенных лиц»). По данным ООН за 2019 год, из общего числа в 28,7 млн беженцев 16 млн размещены в странах Азии, 7,3 млн приходится на Африку.

Заблуждение четвертое: представление о миграционной политике стран условного Севера как о благотворительности. В этой оптике европейцы и американцы предстают великодушными филантропами, выпускающими к себе сирых и убогих обитателей отсталых регионов планеты. Тем самым, однако, не учитывается *взаимозависимость современного мира*. Принимающие страны столь же нуждаются в отдающих, как те – в принимающих. Для стран условного Севера иммиграционный приток – это средство смягчения последствий старения населения и незаменимый источник работников в целом ряде экономических ниш, принципиально не заполняемых местным населением. Часто звучащее утверждение о том, что эту работу могли бы делать «свои», если бы им достойно платили, не выдерживает критики по двум причинам. Первая – экономическая, и опирается она в конкурентоспособность бизнеса. Вторая – связана с развитием человеческого капитала: благодаря тому, что непрестижные рабочие места занимают мигранты, местное население получает возможность приложить свои усилия в более высоко технологичных отраслях экономики [24–26].

О магии цифр, или Почему со статистикой нужно обращаться осторожно

Цифры – особенно цифры, вырванные из контекста и не сопровождаемые аналитическими комментариями, – зачастую служат дурную службу. Так, сообщаемые публике журналистами данные об объемах иммиграционного притока в Европу почти неизбежно наводят на мысль о том, что страны Евросоюза в такой мере открыли свои границы внешнему миру, что недалек тот день, когда они окажутся в меньшинстве по отношению к пришельцам с других континентов.

За этими цифрами, однако, не видно того обстоятельства, что *около 50% этих потоков составляют внутриввропейские миграции*.

От четверти до трети иммиграционного притока в отдельных странах ЕС – это миграции из других стран ЕС. Это хорошо видно на примере Германии.

Популярному образу «миграционного цунами», грозящего затопить Европу, противоречит целый ряд фактов (табл. 2–4).

Факт первый состоит в том, что многим европейским странам свойственны отрицательные показатели естественного прироста населения. Число рождений здесь ниже, чем число смертей; часть государств Европы балансирует на грани нулевого естественного прироста. Существенным образом за счет естественных причин население растет только в Великобритании, Франции и Ирландии (115, 144 и 30 тыс. чел. соответственно).

Таблица 2 / Table 2

Иммиграция в страны ЕС в 2014–2018 гг., % / Immigration into EU countries 2014–2018, %

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло / Total	3 787 809	4 686 523	4 282 488	4 396 025	4 546 009
Родились в других странах ЕС / born in other EU country	34	29	30	30	27
Родились в принимающей стране / born in reporting country	18	15	17	16	16
Родились за пределами ЕС / born outside of the EU	48	55	52	53	56

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of: Eurostat "Immigration by age group, sex and country of birth". URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm3ctb&lang=en (дата обращения: 13.04.2020).

Таблица 3 / Table 3

Иммиграция в Германию в 2014–2018 гг., % / Immigration to Germany 2014–2018, %

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло / Total	884 893	1 571 047	1 029 852	917 109	893 886
Родились в других странах ЕС / born in other EU country	46	28	37	41	39
Родились в принимающей стране / born in reporting country	7	4	7	10	13
Родились за пределами ЕС / born outside of the EU	47	65	53	49	48

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of Eurostat "Immigration by age group, sex and country of birth". URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm3ctb&lang=en (дата обращения: 13.04.2020).

Таблица 4 / Table 4

Естественный прирост за 2018 год в ЕС в целом и отдельных странах, тыс. чел. / Natural population change in EU, 2018, thousands

ЕС-28	EU-28	-354.2
Австрия	Austria	1.6
Болгария	Bulgaria	-46.3
Венгрия	Hungary	-37.8
Германия	Germany	-167
Греция	Greece	-33.9
Испания	Spain	-56.3
Италия	Italy	-193.3
Латвия	Latvia	-9.5
Литва	Lithuania	-11.4
Польша	Poland	-26
Португалия	Portugal	-26
Румыния	Romania	-75.3
Словения	Slovenia	-0.9
Финляндия	Finland	-7
Хорватия	Croatia	-13.5
Чехия	Czech Republic	1.1
Эстония	Estonia	-1.4

Источник: составлено авторами на основе / Source: Made by the authors on basis of Eurostat "Demographic balance, 2018": URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения: 13.04.2020).

Факт второй – отрицательное миграционное сальдо в целом ряде государств ЕС (табл. 5). Это значит, что из них выезжает больше людей, чем в них въезжает. После кризиса 2008 г., в таких европейских странах, как Греция, Ирландия, Испания и Португалия число эмигрантов превысило число иммигрантов. Эта тенденция сохранялась вплоть до «миграционного кризиса» 2015.

Так, в Португалии миграционное сальдо последовательно опускалось на протяжении десятилетия – с минус 13 тыс. в 2008 г. до почти минус 50 тыс. в 2013 г. В среднем страну ежегодно покидало порядка 100 тыс. человек. Положение, по сути, не изменилось и в период «миграционного кризиса»: миграционное сальдо в 2015 и 2016 гг. равнялось минус 45 тыс. и минус 34 тыс. чел. соответственно.

Отрицательное миграционное сальдо характерно для большинства стран Восточной Европы. Так, в относительно благополучной Хорватии в 2015 г. на 10 тыс. прибывших приходилось более 30 тыс. убивших, а в 2016 г. – на чуть менее 15 тыс. прибывших – более 35 тыс. убивших.

Примечательно, что к числу европейских государств с отрицательным миграционным сальдо относятся не только депрессивные Болгария или Румыния, но – как это ни трудно себе представить – относительно благополучная Франция. В 2018 г. число эмигрантов здесь превышало число иммигрантов на 42 тыс. чел.

Таблица 5 / Table 5

**Отрицательное миграционное сальдо в отдельных странах ЕС в 2018 г., тыс. чел. /
Negative net migration in particular EU countries, 2018, thousands**

Болгария	Bulgaria	-3.7
Латвия	Latvia	-4.9
Литва	Lithuania	-3.3
Румыния	Romania	-53.7
Франция	France	-42.6
Хорватия	Croatia	-13.5

Источник: составлено авторами на основе / *Source:* Made by the authors on basis of: Eurostat “Demographic balance, 2018”. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения: 13.04.2020).

Интересен кейс Испании. В 2012 г. отсюда эмигрировало 447 тыс. человек, а иммигрировало 304 тыс.; в 2013 г. на 532 тыс. покинувших страну приходилось 280 тыс. прибывших, а в 2014 г. – на 400 с лишним тысяч эмигрантов – лишь около 305 тыс. иммигрантов. Таким образом, миграционное сальдо этой страны устойчиво оставалось отрицательным (минус 142 тыс. в 2012, минус 251 тыс. в 2013 и минус 94 тыс. в 2014). Тенденция была переломлена лишь в год «кризиса беженцев» (2015): тогда в Испанию прибыло около 344 тыс., а убыло порядка 342 тыс. (т.е. на две тысячи человек меньше). В следующем 2016 г. навстречу притоку иммигрантов и беженцев объемом 417 тыс. чел. шел отток в 328 тыс. эмигрантов (сальдо, таким образом, составило плюс 88 тыс. чел.). Правда, в последние годы наблюдался устойчивый тренд в сторону значительного преобладания числа въезжающих над числом выезжающих.

Таблица 6 / Table 6

**Иммиграция и эмиграция в Испании в 2010–2018 гг., тыс. чел. /
Spain: migration flows, 2010–2018, thousands**

Показатель / Indicator	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Эмигрировало / Outgoing	403	447	532	400	342	327	368	309
Иммигрировало / Incoming	361	304	281	305	344	415	532	643
Сальдо / Net	-42	-143	-251	-95	+2	+88	+164	+334

Источник / Source: Statista “Migration figures of Spain from 2010 to 2018”. URL: <https://www.statista.com/statistics/445930/migration-flow-in-spain/> (дата обращения: 13.04.2020).

Факт третий: в экономически благополучных странах Европы довольно высоки показатели эмиграции. Это и возвратная миграция, и депортация, и отъезд за границу собственных граждан. Отсюда следует, что число иммигрантов здесь, кажущееся едва ли не астрономическим в абсолютных цифрах, не является таковым в относительных цифрах. В Великобританию, например, ежегодно въезжает с целью долговременного или постоянного жительства порядка 600 тыс. человек, однако порядка 400 тыс. с теми же целями выезжает. Германия и Швеция, традиционно принимающие значительное число мигрантов (как трудовых, так и вынужденных), столь же традиционно сталкиваются с достаточно высокими показателями убытий на ПМЖ в другие страны, в результате чего их миграционное сальдо оказывается гораздо более скромным, чем может показаться.

Таблица 7 / Table 7

**Миграционное сальдо в ЕС в целом и отдельных странах в 2018 г., тыс. чел. /
Net migration in EU-28 and particular countries, 2018, thousands**

ЕС-28	EU-28	1456.7
Великобритания	United Kingdom	258.3
Швеция	Sweden	86.3
Германия	Germany	394.2
Нидерланды	Netherlands	86.4
Италия	Italy	69
Австрия	Austria	34.9
Польша	Poland	22.1
Венгрия	Hungary	32.2

Источник: составлено авторами на основе / *Source:* Made by the authors on basis of: Eurostat “Demographic balance, 2018”. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/7/7f/Demographic_balance%2C_2018_%28thousands%29.png (дата обращения 13.04.2020).

Факт четвертый: наряду с притоком людей в относительно богатые страны Европы происходит значительный, пусть и меньший по масштабам отток людей из Европы на другие континенты. Это хорошо видно на примере уже упомянутой Германии: в 2014 г. сюда прибыло порядка 75 тыс. жителей различных государств Африки, однако при этом из Германии в направлении Африки убыло 27 тыс. чел. [17, с. 208]. Правда, большинство выбывших в данном случае составляют так называемые возвратные мигранты. Но есть и

примеры эмиграции «коренных европейцев» в страны Африки и Азии. Например, немало граждан Португалии ежегодно выезжают в Мозамбик и Макао (бывшие португальские колонии) – там молодые португальцы рассчитывают сделать карьеру, на которую они не могут рассчитывать на родине⁸.

Заключение

Меньше всего нам хотелось бы, чтобы вышеизложенное было воспринято как панегирик миграции. Из того обстоятельства, что мы пытаемся деконструировать предубеждения, определяющие и легитимирующие антимиграционную политическую повестку, не следует, что тем самым мы стремимся продвинуть «промиграционную» повестку. Иными словами, мы не занимаем какой-либо позиции в идеологическом противостоянии между «мигрантофобами» и «мигрантофилами». Мы лишь демонстрируем неадекватность того набора представлений о глобальных миграциях, который образует каркас политической мифологии, инструментализируемой правопопулистскими партиями и движениями. Такая демонстрация необходима для того, чтобы удерживать процессы принятия решений по поводу миграционного регулирования в тиши кабинетов.

Библиографический список

- [1] *Howard M.M.* The Politics of Citizenship in Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- [2] *Freeman G.* Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. // *International Migration Review*. 1995. Т. 29. № 4. С. 881–902.
- [3] *Schain M.* The Extreme-Right and Immigration Policy-Making: Measuring Direct and Indirect Effects // *West European Politics*. 2006 Т. 29. № 2. С. 270–289.
- [4] *Малахов В.С.* Иммиграционные режимы в государствах Запада и в России: теоретико-политический аспект // *Полис*. 2010. № 3. С. 60–68.
- [5] *Flood C.* Political Myth: A Theoretical Introduction. London: Routledge, 2001.
- [6] *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- [7] *Yilmaz F.* Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe // *Current Sociology*. 2012. Т. 60. № 3. С. 368–381
- [8] *Lukassen G. and Lubbers M.* Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats // *Comparative Political Studies*. 2011. Т. 45. № 5. С. 547–574.
- [9] *Lazaridis G., Campani G., Benveniste A.*, editors. The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and “Othering”. Palgrave Macmillan UK, 2016.
- [10] *Вишневский А.Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–29.
- [11] Демографические аспекты социально-экономического развития / под ред. М.Б. Денисенко. М.: МАКС Пресс, 2012.
- [12] *Therborn C.* The NATO Demographer // *New Left Review*, 2009. № 56 (March-April). С. 136–144.

⁸ Подробнее см: Portugal arbeitsmarkt auswanderung // *Die Zeit*. URL: <http://www.zeit.de/wirtschaft/2015-01/portugal-arbeitsmarkt-auswanderung> (accessed: 28.04.2020).

- [13] *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- [14] *Gardner D.* Future Babble: Why Expert Predictions Fail – and Why We Believe Them Anyway. Toronto: McClelland and Stewart, 2011.
- [15] *Messina A. M.* The Logic and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- [16] *Hollifield J., Martin Ph. & Orrenius P.*, editors. Controlling Immigration: A Global Perspective. 3 edition. Stanford University Press, 2014.
- [17] *Oltmer J.* Migration: Geschichte und Zukunft der Gegenwart. Darmstadt: Theiss, 2017.
- [18] *Betts A.*, editor. Global Migration and Governance. Oxford: Oxford University Press, 2010
- [19] *Geiger M., Pécoud A.*, editors. Disciplining the Transnational Mobility of People. NY: Palgrave, 2013.
- [20] *Kunz R., Lavenex S., Panizzon M.*, editors. Multilayered migration governance: the promise of partnership. Routledge, 2011.
- [21] *Малахов В.С.* Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 104–111.
- [22] *Lacroix T., Desille A.*, editors. International Migrations and Local Governance: A Global Perspective. Palgrave Macmillan, 2018.
- [23] Elcano Royal Insitute, Istituto Affari Internazionali. Italian and Spanish Approaches to External Migration Management in Sahel: Venues for Cooperation and Coherence. Working Paper. 13/2018.
- [24] *Castles S., Haas H., Miller M.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 6-th Edition. The Guilford Press, 2018.
- [25] *Andrienko Y., Guriev S.* Understanding Migration in Russia // CEFIR Policy Papers. 2005. № 23.
- [26] *Малахов В.С., Мкртчян Н.В., Вендина О.И., Флоринская Ю.Ф., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. и др.* Международная миграция и устойчивое развитие России. М.: Дело, 2015.

References

- [1] Howard M. M. *The Politics of Citizenship in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- [2] Freeman G. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. *International Migration Review*. 1995. 29 (4): 881–902.
- [3] Schain M. 2006. The Extreme-Right and Immigration Policy-Making: Measuring Direct and Indirect Effects. *West European Politics*. 2006. 29 (2): 270–289.
- [4] Malakhov V. Immigration regimes in the West and in Russia: theoretical and political aspects. *Polis. Political studies*. 2010. 3: 60–68. (In Russ.).
- [5] Flood C. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. London: Routledge; 2001.
- [6] Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- [7] Yilmaz F. Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe. *Current Sociology*. 2012. 60 (3): 368–381.
- [8] Lukassen G., Lubbers M. Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats. *Comparative Political Studies*. 2011. 45 (5): 547–574.
- [9] Lazaridis G., Campani G., Benveniste A., editors. *The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and “Othering”*. Palgrave Macmillan UK; 2016.
- [10] Vishnevskii A.G. The demographic revolution is changing the reproductive strategy of the homo sapiens. *Демографическое обозрение*. 2014. 1 (1): 6–29 (In Russ.).
- [11] Denisenko M. B., editor. *Demographic aspects of socio-economic development*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.).
- [12] Therborn C. The NATO Demographer. *New Left Review*. 2009. № 56 (March-April): 136–144.
- [13] Easterly W. *Tyranny of Experts*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara; 2016. (In Russ.).

- [14] Gardner D. *Future Babble: Why Expert Predictions Fail – and Why We Believe Them Anyway*. Toronto: McClelland and Stewart; 2011.
- [15] Messina A.M. *The Logic and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007.
- [16] Hollifield J., Martin Ph., Orrenius P., editors. *Controlling Immigration: A Global Perspective*. 3 edition. Stanford University Press; 2014.
- [17] Oltmer J. *Migration: History and Future of the Present*. Darmstadt: Theiss; 2017. (In Germ.).
- [18] Betts A., editor. *Global Migration and Governance*. Oxford: Oxford University Press; 2010.
- [19] Geiger M., Pécoud A., editors. *Disciplining the Transnational Mobility of People*. NY: Palgrave; 2013.
- [20] Kunz R., Lavenex S, Panizzon M., editors. *Multilayered migration governance: the promise of partnership*. Routledge; 2011.
- [21] Malakhov V., Global Migration Governance: Theory, Institutions, Politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, 63 (10): 89–96. (In Russ.).
- [22] Lacroix T., Desille A., editors. *International Migrations and Local Governance: A Global Perspective*. Palgrave Macmillan; 2018.
- [23] Elcano Royal Insitute, Istituto Affari Internazionali. *Italian and Spanish Approaches to External Migration Management in Sahel: Venues for Cooperation and Coherence*. Working Paper. 13/2018.
- [24] Castles S., Haas H., Miller M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 6-th Edition, The Guilford Press; 2018.
- [25] Andrienko Y., Guriev S. Understanding Migration in Russia. *CEFIR Policy Papers*. 2005. 23.
- [26] Malakhov V.S., Mkrtychyan N.V., Vendina O.I., Florinskaya J.F., Varshaver E.A., Rocheva A.L. et al. *International migration and sustainable development of Russia*. Moscow: Delo; 2015. (In Russ.).

Информация об авторах:

Малахов Владимир Сергеевич – доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии ИОН РАНХиГС (ORCID ID: 0000-0003-0154-5785) (malakhov-vs@ranepa.ru).

Мотин Александр Сергеевич – магистр политологии и международных отношений, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН РАНХиГС (ORCID: 0000-0001-5120-5290) (motin-as@ranepa.ru).

Information about the authors:

Vladimir S. Malakhov – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Center for Theoretical and Applied Political Studies, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (ORCID ID: 0000-0003-0154-5785) (malakhov-vs@ranepa.ru).

Alexander S. Motin – MA in Political Science and International Relations, Research Fellow of the Center for Theoretical and Applied Political Studies, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (ORCID: 0000-0001-5120-5290) (motin-as@ranepa.ru).